

К Р О К О Д И Л

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ГОД ИЗДАНИЯ XXIV

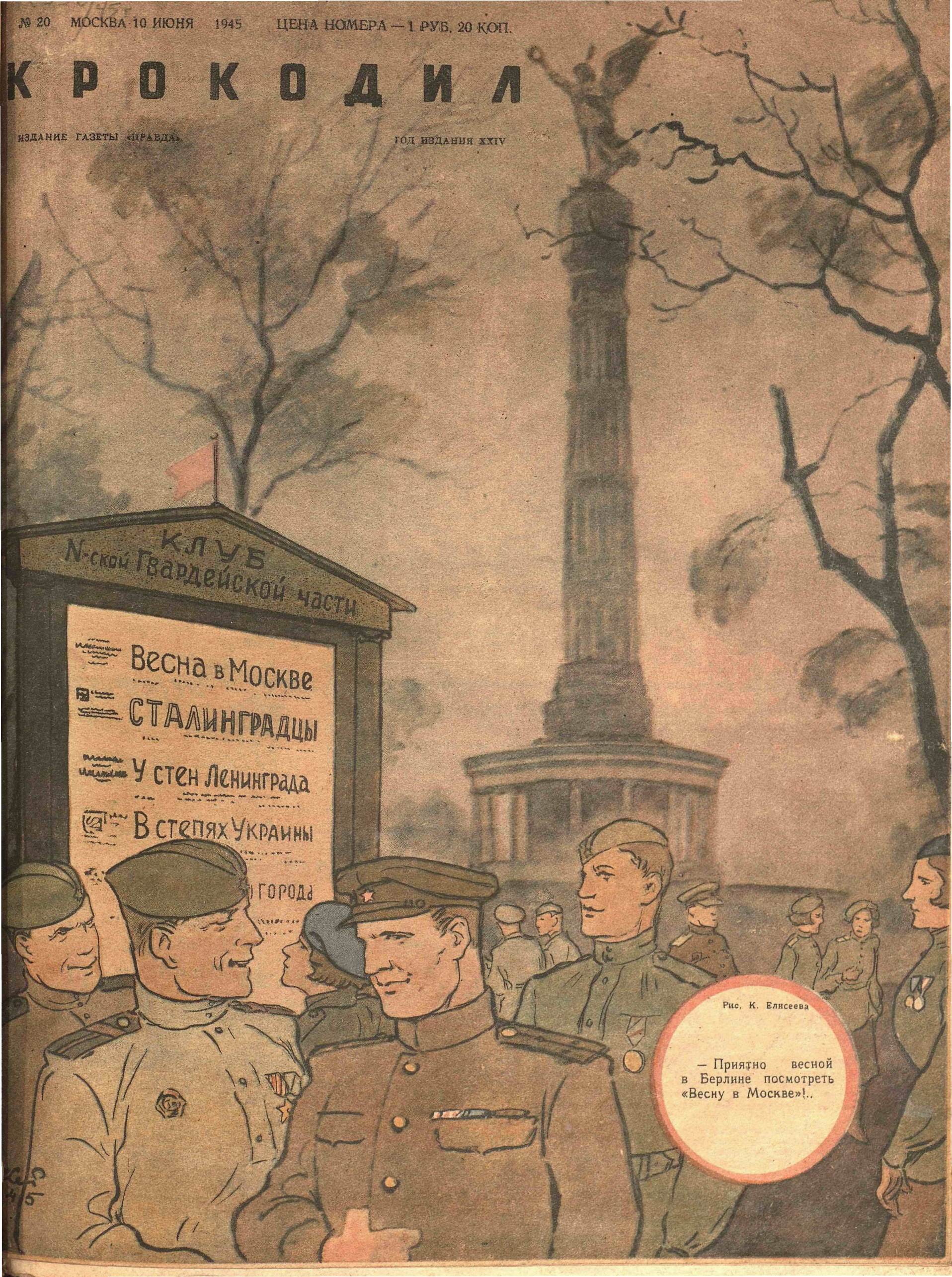
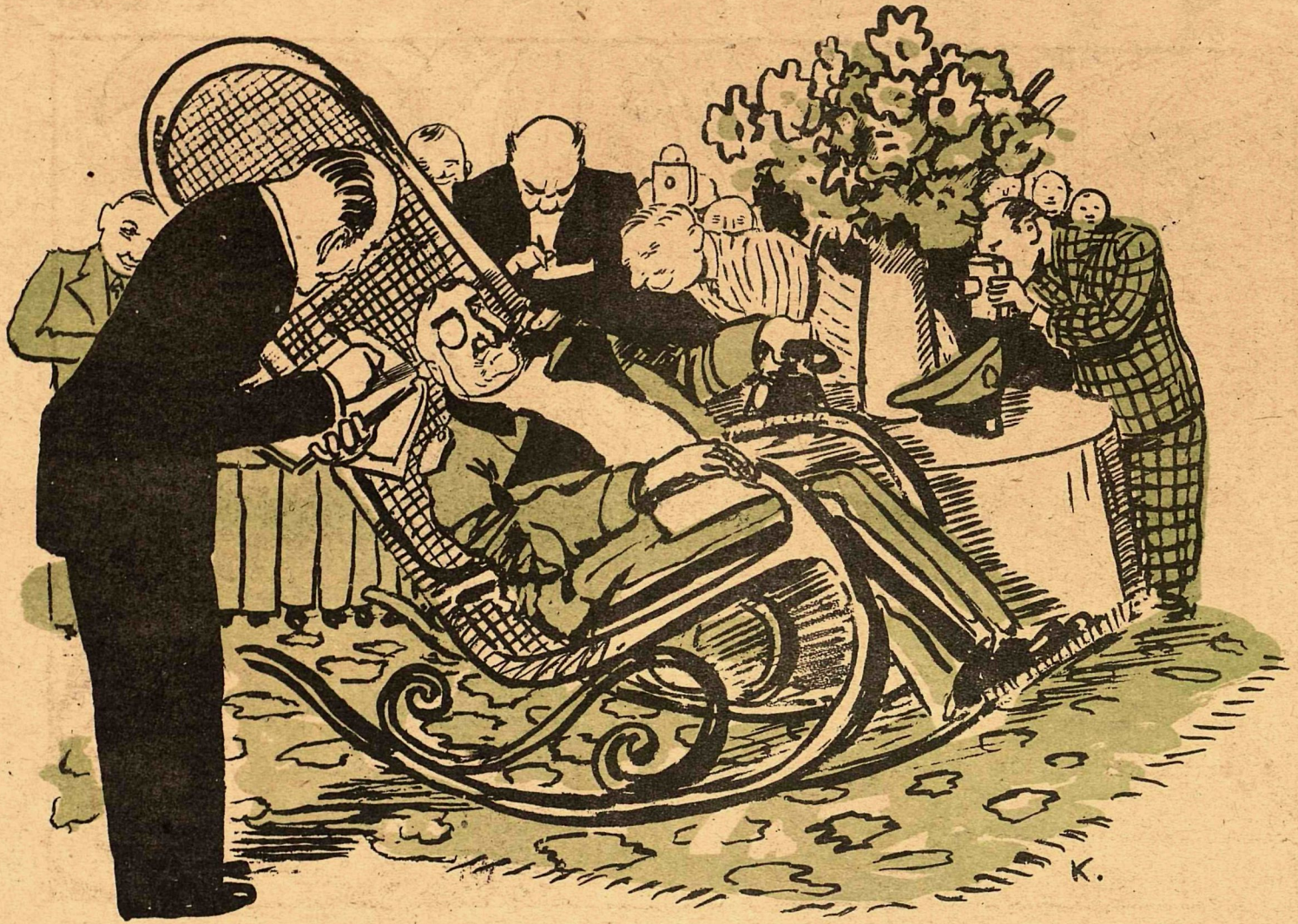

Рис. К. Елисева

— Приятно весной в Берлине посмотреть «Весну в Москве»!..

Рис. А. Камевского

— Чем вы сегодня так озабочены, господин фон Штернер?
 — Я подумал о тех немецких генералах, которые ещё мучаются на свободе.

ОТ СОБСТВЕННОГО
 КОРРЕСПОНДЕНТА

СТОКГОЛЬМ. Шведский журнал «Обс» опубликовал следующее объявление: «Ввиду обесцениения немецкой марки редакция впредь будет оплачивать клевету на Советский Союз и Красную Армию в шведской валюте».

КАПРИ. Достоверно известно, что крупные деятели гитлеровской Германии Шахт и Тиссен скрываются здесь. Вашему корреспонденту удалось установить, что они нашли убежище в лучшем отеле города, где и скрываются от фотографов и репортёров.

МАДРИД. На состоявшейся здесь вчера пресс-конференции гаулейтеру Испании Франко был задан вопрос: «Почему вы не отдаёте Лавала Франции?» Франко ответил: «Он мне дорог как память о нашем прежнем общем хозяине».

БУЭНОС-АЙРЕС. Известный карикатурист-антифашист Саласар выслан из Аргентины. Оригиналы же его карикатур остались в Буэнос-Айресе, где их можно обозреть при исполнении ими своих грязных обязанностей.

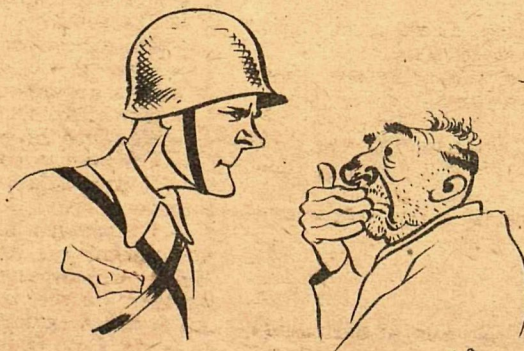
ЛОНДОН. Командующий артиллерией польской армии Андерса произвёл смотр всем своим трём пушкам. После этого он отправился в резиденцию Арцишевского (гостиница «Не для джентльменов») и доложил ему, что он предполагает в ближайшее время увеличить вдвое огневую мощь своей артиллерии.

БОГАТАЯ НЕВЕСТА

Мама, мамочка, мама родная,
 Далеко отсель до села.
 Через Гомель я, через Гродно я
 До Берлина теперь дошла.
 Город... озеро... поле... рошица...
 Шли полки в боевой поход,
 Им советская регулировщица

НЕОПРОВЕРЖИМЫЙ ДУХ

Рис. Бор. Ефимова

— Ей богу, я не Лей!.. Я — инженер!..
 — Инженер?.. А ну, дохни!..

Путь указывала вперёд.
 Танки, грохая, кони, топая,
 Шли вперёд, на подъём легки.
 И на всех площадях Европы я
 Поднимала свои флажки.
 В Бухаресте, в Софии, в Вене мне
 Каждый угол теперь знаком.
 Регулировала я движение
 Кумачовым своим флажком.
 Любопытные биографии
 Мы в походах приобрели,
 Что прошли мы по географии,—
 Всё в сражениях мы прошли.
 И историю, ту, которую
 Проходили ученики,
 Сами делали здесь историю
 Наши, мамочка, земляки.
 В результате зачёта сданного
 Выдан зрелости аттестат.
 Я невеста не без приданого,
 Как товарищи говорят.
 Тем богатством, как все, по праву я
 Обеспечена на века,—
 Золотою солдатской славою,
 Честью русского фронтовика.
 Я в чужом краю, в дальней дальности,
 Русской армии я солдат,
 Европейские национальности
 Мне с почтением вслед глядят.
 Я не хвастаюсь в этом случае:
 Все такие у нас подряд,
 Я не худшая и не лучшая,
 Рядовая, как говорят.
 Но фигура международная —
 Наш любой боец, офицер...
 Ох, и счастье же, мама родная,
 Быть гражданкою СССР!

Вл. Дыховичный

— Ну, до чего здесь синее небо!..
— Да, майн герр, настоящая берлинская лазурь!

Проклятая привычка

ДВА угрюмых бархатных кресла, один легкомысленный диванчик и шесть серых, ничем не выделяющихся стульев — весь этот инвентарь красуется в кабинете только лишь для мебели.

Кожемитов, Егор Егорыч, блюдет свой сан и делеет свой авторитет, а посему никогда не снизойдет до того, чтобы попросить посетителя сесть.

Посетитель должен стоять, как лист перед травой. Сидящий посетитель — это уже почти гость, он перьяет трепет и уважение и впадает в критику.

Вот уже минут пятнадцать, как я торчу перед Кожемитовым. Наш председатель горсовета не замечает меня: он весь ушел в чтение какой-то бумаги.

Наконец он удостоил меня своим взглядом.

— Что угодно? — спросил он резко и отрывисто.

— Сесть, — ответил я.

— Короче!

— Сесть, — повторил я. — Короче быть не может. Всего одно слово.

— Сейчас, гражданин, не до вежливости. Время военное.

— Егор Егорыч! Во-первых, нигде не сказано, что в военное время надо грубо обращаться с посетителями. А во-вторых...

— Что там ещё во-вторых? Садитесь.

— Во-вторых, спасибо. А в третьих, я думаю, вам известно, что война закончилась более месяца тому назад.

— Ах, да! Это точно.

— Я пришёл к вам, Егор Егорыч, поговорить о благоустройстве нашего города Болотинска.

— От какой организации?

— От СССР.

— Не понимаю.

— Есть такая прекрасная организация — СССР. Как полноправный член этой организации, как гражданин СССР, я и кочу с вами говорить. А других чинов не имею.

— Вот оно что! Гм!... Садитесь.

— Я уж давно сижу. Благодарствую.

— Слушаю.

— Видите ли, Егор Егорыч, главная улица нашего города, на которую иногда заглядывает областное начальство, находится более или менее в порядке. А вот чуть в сторону от центра — ямы, ухабы, лужи, безобразия. Не пора ли сейчас...

— Сейчас? Не до этого. Время военное...

— Осмелюсь напомнить, Егор Егорыч, что вот уж больше месяца, как...

— Ах, да! Это точно.

— Не мешало бы также серьёзно заняться озеленением нашего города...

— Вы правы.

— И ремонтом жилищ. На Лермонтовской улице, например, два дома сильно похилились.

— Придётся повременить. Знаете ли, война...

— Где война?

— Ах, да! Это точно.

— Баня у нас, Егор Егорыч, работает неплохо. Грех жаловаться! А вот на коопремонт следовало бы...

— Сейчас не до... Ах, да! Это точно.

— Да, Егор Егорыч.

— Откровенно вам скажу... Кстати, ваша фамилия? Короче!

— Короче нельзя. Спасоглинищевский — моя фамилия, с вашего разрешения.

— Откровенно вам скажу, товарищ Спасоглинищевский. Засела во мне занозой эта проклятая привычка — все неполадки валить на войну. Никак ещё отрешиться не могу. Но я думаю, что эта хворь у меня пройдёт. Не всё, конечно, сразу. Время, понимаете ли, сейчас военное. Это точно.

— Да, Егор Егорыч. Это точно!

На этом мы и расстались.

Г. РЫКЛИН

Кружевная борода

ЗИНА сидела у окна вагона и глядела на сосны, овражки, яркозелёные лужайки, греющиеся на солнышке. Но она об них не думала.

Она думала о медном чайнике, о сэндвичах, о лейтенанте Соколове и о том, какая она, в сущности, неудачница.

Утром было прекрасное настроение, когда она готовила в дорогу сэндвичи. Она сделала их целую дюжину — с сыром, с колбасой, с яйцом. Она начистала овой медный чайник. А когда девушки из медсанбата удивились: «Куда тебе такую огромную посудину?» — она всколыхнула сказала:

— Может быть, ещё кто-нибудь из наших поедет. Кажется, лейтенант Соколов.

Кажется! Не кажется, а так точно. Иначе стала бы юна трудиться над сэндвичами! И вовсе не потому, что она была влюблена в лейтенанта. (А хоть бы и так?) А просто потому, что ясно представилось, как она будет наливать ему чай из медного чайника и угощать:

— Кушайте, пожалуйста, прошу вас!

Он бы с аппетитом ел, а она бы смотрела и радовалась.

Но на станции всё пошло прахом. Лейтенант Соколов преспокойно сел в соседнее купе с каким-то капитаном и только сказал ей:

— Зинуша, если соскучитесь, заглядывайте к нам.

И только. А чайник тотчас же пригодился соседу — пражданину в куртке из солдатского сукна.

— Какая девушка хозяйственная! Я уж сколько времени мечтал! Как станция, так схожу за кипятком, верно?

Неизвестно было, о чём он мечтал: о хозяйственной девушке или о медном чайнике. Зина мельком взглянула на соседа и сразу невзлюбила его. Невзлюбила за то, что на его месте мог бы сидеть лейтенант Соколов и всё было бы совсем иначе — и полянки и сосны. Ну да что уж!

У соседа была небольшая, очень белая, словно кружевная, борода. Судя по ней, его можно бы назвать стариком, в крайнем случае — папашей. Но глаза, карие и живые, молодили всё лицо, и поэтому «папаша» как-то не подходило. А вот нос был не молодой и не старый, а просто-напросто некрасивый, губчатый и огромный. Конечно, Зина понимала, что нос — это дар природы. И это в высшей степени неприлично — осуждать человека за его нос. Но Зина всё же осудила и нос и кружевную бороду. Старик подсел к окну, потянул ветер своим губчатым носом и сказал:

— Скорость набираем. На таких скоростях я, знаете ли, всегда о крушениях вспоминаю.

«Кажется, труса бог послал», — подумала Зина и сказала холодно и вежливо:

— Тогда надо ходить пешком. Кто ходит пешком и тихой походкой, тот о крушении не беспокоится.

— Ой, не скажите! Хаживали и пешком и всяко, но всё-таки беспокоились, и весьма.

Зина пожала плечом и не ответила. Яркозелёные полянки начали пуокнеть, темнели сосны, наступал вечер.

Старик очень заинтересовался природой. Он даже высунулся в окно, и ветер раздувал его кружевную бороду.

— Вот откосик, так откосик! — воскликнул он. — Вот кабы с этого откоса, ну, тут бы костей не собрать!

«Псих!» — подумала Зина и вдруг услышала очень странные слова. Старик как бы про себя произнёс:

— Эх, чорт меня побери, а ведь я прогадал! Вот бы где подложить, а я за поворотом! Выходит, задним умом крепок. Ну, да уж дело сделано.

Зина покосилась на старика и обомлела. В юмерках лицо казалось совсем молодым, бегали живые карие глаза, а борода.. борода была как бы совершенно не при чём. И тут её пронизала страшная мысль.

В эту минуту старик поднялся, схватил чайник и вышел в коридор.

«Ах ты ещё и чайник мой подцепил! Ну, была не была! Если схватимся в коридоре, закричу, услышат!» — И она выскочила из купе.

Ни души. Она побежала по вагону. В последнем купе сидели в облаке табачного дыма лейтенант Соколов и капитан и играли в шашки.

— Скорее! — прерывисто прошептала Зина. — Там, по-моему, диверсант! Сорвать бы бороду, нос! Крушение!..

В О Д Ф

(Общество друзей фашистов)

Рис. К. Елсеова

Гитлеровцы капитулировали, но мы ещё держимся!..

Шашки рассыпались.
— Где? — коротко и спокойно спросил лейтенант.

Старика обнаружили в тамбуре.
— Вот он! — прошептала Зина.
Старик обернулся, взглянул на капитана и вскрикнул. Зина невольно зажмурилась.

— Пётр Данилович, ты?!
— Савушка, родной мой!
Когда Зина открыла глаза, капитан держал старика в своих объятиях. Они хлопали друг друга по плечам и по спине, и капитан называл старика Савушкой.

— Вот так встреча! Три года не видались или сколько? И как раз на этом самом месте, помнишь?

— А как же! Вот тут, за поворотом. Милый ты мой! А я всё еду и соображаю, знаешь, где бы надо их спустить-то. Маленько повыше, там, где откос. Как это мы с тобой тогда не допадались?

— Ничего, Савушка, и тогда сработали неплохо. Они теперь все под откосом. Конечно дело!

— Что верно, то верно, под откосом!
— Вот, рекомендую, — сказал капитан. — Дед Савва, командир партизанского отряда, иначе Саватей Петрович. Да чего же мы в тамбуре-то стоим? Идём, выпьем за победу, за встречу! Вот, ей богу, радость какая!

— А как же теперь бороду-то: обрывать или не надо? — спросил лейтенант Соколов, из вежливости умолчав про нос, и скроил невозможную физиономию.

Зина с отчаянием подумала:
«Нет, я положительно какая-то неудачница!»
— Не понравилась моя борода? — искренно удивился Саватей Петрович. — Она у меня партизанская. А что, девушка, может быть, действительно обрить, а? Помолодеть ради победы.

— Ничего, Зина, не огорчайтесь, — сказал капитан. — Вы всё-таки молодчина. Потому что, если борода кажется сомнительной, всегда лучше деликатно удостовериться.

На станции сбегали за кипятком, пили с коньяком чай, вспоминали войну и партизанские дела. Лейтенант посмеивался над Зиной и, нет-нет, дёргал себя за воображаемую бороду. А Зина угощала всех своими сандвичами:

— Кушайте, пожалуйста, настоящие сандвичи!

В. КАРБОВСКАЯ

ОДНАЖДЫ...

УЖАСЫ ДОЛГОЛЕТИЯ

Однажды учёный-физиолог в присутствии художника Ильи Репина знакомил окружающих со знаменитыми трудами профессора Мечникова, посвящёнными продлению человеческой жизни.

— Надеюсь, что надежды уважаемого учёного, если сбудутся, — сказал Репин, — то не по отношению ко всем. Представьте себе ужас: вы идёте по улице, а мимо вас ведут под руку столетнего Дантеса, убийцу Пушкина!

ХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ К КОРОЛЯМ

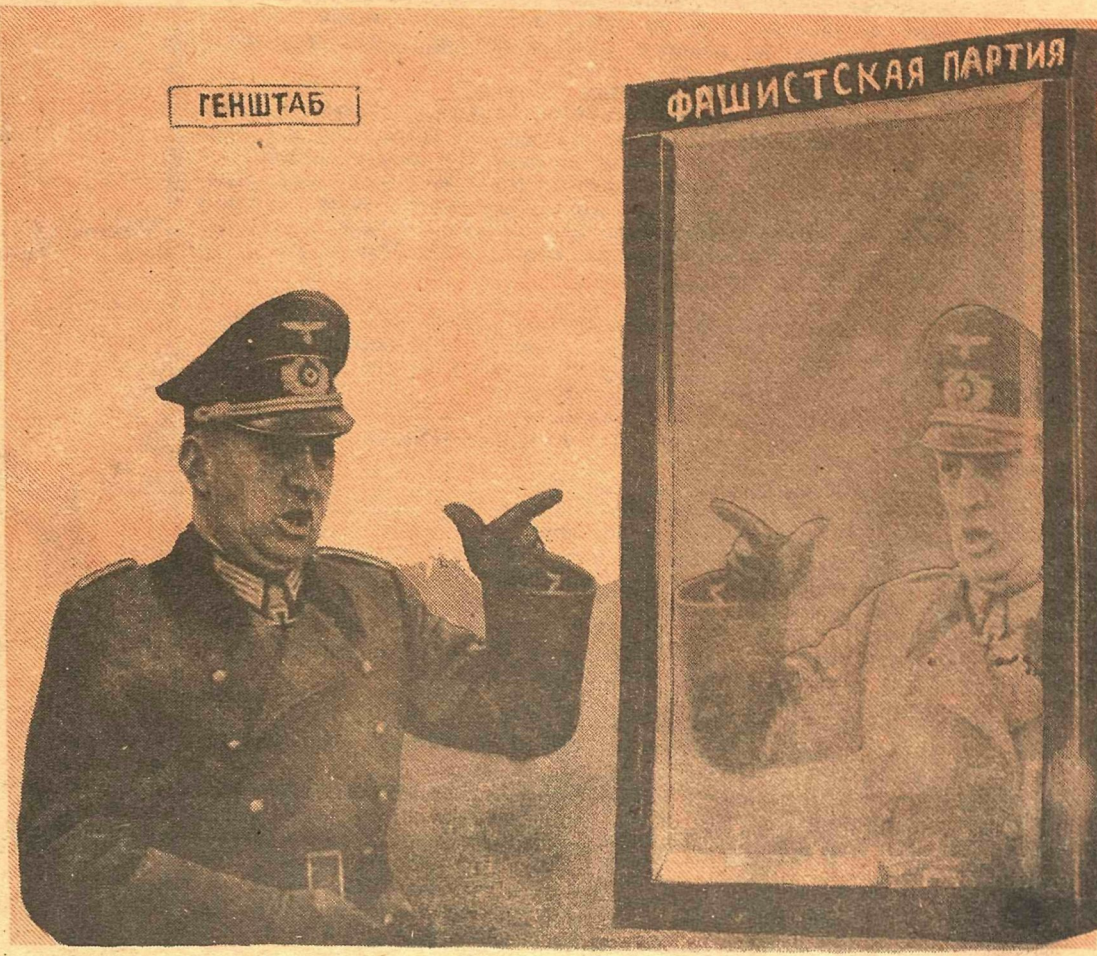
Однажды Жореса спросили, как он относится к королям.

— Я знаю только шесть приятных королей, — ответил Жорес, — четырёх в карточной колоде и двух — в шахматах.

НЕТ СЛОВ

Однажды в газете «Фигаро» после концерта знаменитой певицы Патти была напечатана следующая рецензия:

«Вчера в оперном театре выступала первая в мире, великая, неповторяемая, любимейшая, очаровательная певица Патти. Нет слов, чтоб выразить обуревающие меня чувства; поэтому я прошу читателей написанные мною выше строки прочесть по меньшей мере три раза подряд».

— Я тут не при чём!.. Это он!..

ДАЕШЬ КРИТИКУ!

Однажды некий заводделом Степан Степанычу велел:
«Наднях в большом докладе смело раскритикуйте мой отдел!»
Стараться рад Степан Степаныч:
«Зав хочет критики? Прошу! Без страха правду напишу!»
И он доклад состряпал за ночь..
Не кисло-сладкий дифирамб,
А обличительнейший ямб:

Не выполняется работа,
Не дан отделу полный ход,
Небезупречные отчёты,
Недобросовестный подход...
Неполноценным производством
Не бьём врагов — фашистских гидр,
Не знает дела руководство.
Не одобряем! Щукин и др.

Назначен час. Докладчик точен.
В дверях встречает зав его:
«Прошу меня... того... не очень...
Не то я тоже... вас... того...»
С начальством в драку лезть не надо.
Степан Степаныч поскорей
Отставил ямб, избрал хорей
И смело выступил с докладом.
Чтоб мысль ясна была вполне,
Он зачеркнул лишь слово «не»:

Не выполняется работа,
Не дан отделу полный ход,
Небезупречные отчёты,
Недобросовестный подход...
Неполноценным производством
Не бьём врагов — фашистских гидр,
Не знает дело руководство.
Не одобряем! Щукин и др.

Ирина ПЕТРОВА

ЗАРУБЕЖНЫЙ ЮМОР

ЭТО БЫЛО НЕДАВНО...

(Бомбоубежище. Свет выключается на полчаса, потом зажигается снова.)

ДЕВУШКА: — Джо, это было очень неблагоприятно — так целоваться в темноте: свет могли включить каждую минуту.

ЮНОША: — Я и не думал целоваться. (Злобно глядя в толпу.) Мне бы только узнать, кто это, уж я научил бы его, как целовать в темноте чужих девушек!

ДЕВУШКА: — Увы, мой милый, ты ничему не можешь научить его!

ЛЮБИТЕЛИ МУЗЫКИ

Перед тем как командовать «вольно», сержант приказал:

— Все, кто любит музыку, два шага вперёд! В предвкушении лёгкой работы в полковом оркестре дюжина солдат вышла из строя.

— Ну, молодцы, займитесь делом и втащите пианино на четвёртый этаж офицерского клуба! — приказал им сержант.

В РЕСТОРАНЕ

— Я не понимаю: почему люди ругаются? Суп превосходен.

— Они не ругались бы, сэр, если бы повар сказал, что это суп. Но он предполагает, что это — кофе.

У ВРАЧА

— По вашим глазам я вижу, что у вас анемия, воспаление лёгких и, может быть, нервная болезнь.

— Посмотрите в мой другой глаз, доктор. Этот стеклянный.

Украденный документ

В ТРИ часа утра затрещал телефон в гарнизонной комендатуре: — Говорит полковник генерального штаба Гампл. Передайте подполковнику Врзалу... ну, да тому, из разведывательной службы... В чём дело? Это вас не касается, молодой человек. Передайте, чтобы тотчас прибыл ко мне. Да, сейчас, ночью.

Через час подполковник Врзал был у Гампла.

— Подполковник, произошла пренеприятная история. Садись, коллега. Представь себе: позавчера начальник генерального штаба дал мне один документ и говорит: «Гампл, обработай это дома. Чем меньше людей будет знать об этом, тем лучше. Документ береги, как зеницу ока». Вчера я работал целый день. Но куда деть его ночью, чорт побери? Запереть в письменный стол? Это никуда не годится. Сейфа у меня нет. В первую ночь я спрятал документ к себе под матрац, но к утру он был измят, словно на нём кабан валялся...

— Представляю себе... — заметил Врзал.

— Что поделаешь? — вздохнул полковник. — Жена ещё полнее меня. На другую ночь жена говорит: «Давай положим его в жестяную коробку из-под макарон и уберём в кладовку. Я кладовку всегда запираю сама и ключ беру с собой». Этот план мне понравился.

— В кладовой одинарные или двойные рамы? — прервал подполковник.

— Тысячу чертей! — воскликнул полковник. — Об этом я не подумал. Одинарные!

— Дальше, — сказал подполковник.

— Ну, а дальше что же? В два часа ночи жена слышит, как внизу визжит служанка. Жена вниз: «В чём дело?» Та хнычет: «В кладовке вор». Жена побежала за ключом и за мной; я бегу с револьвером вниз, но черти бы его разодрали, окно в кладовке взломано, жестянки с документом нет, и вора след простыл.

— Я хотел бы осмотреть кладовую, — сказал подполковник.

— Ну, так пойдём. Сюда, сюда, — услужливо повёл его полковник, — вот она. Вон на той верхней полке стояла жестянка.

— Вскрыто долотом, — сказал подполковник, осмотрев раму, — рама из мягкого дерева.

— Но послушай, — в отчаянии воскликнул полковник, — ведь ты найдёшь документ, а?

— Буду искать, — сказал подполковник и официально откланялся, щёлкнув каблукми.

Всё утро полковник Гампл терзался мрачными мыслями. То ему представлялось, как два офицера приезжают, чтобы отвезти его в тюрьму. То он старался представить себе, что делает сейчас подполковник Врзал. Потом ему мерещился переполох в генеральном штабе, и полковник стоял от ужаса.

— Карлуша! — в двадцатый раз говорила жена, которая давно уже на всякий случай спрятала револьвер в сундук служанки. — Съел бы ты чего-нибудь.

— Дай мне покой, чорт побери! — кипятился полковник.

Жена вздохнула и пошла на кухню поплакать.

У дверей позвонили. Полковник встал и выпрямился, чтобы с воинским достоинством принять офицеров, пришедших арестовать его. Но вместо офицеров вошёл рыжий человек с котелком в руке и оскалил на полковника беличьи зубы:

— Разрешите представиться. Я Пиштора, из полицейского участка.

— Что вам надо? — рявкнул полковник и исподволь переменял позу со «смирно» на «вольно».

— Говорят, у вас обчистили кладовку, — осклабился Пиштора с конфиденциальным видом, — вот я и пришёл.

— А вам какое дело? — отрезал полковник.

— Осмелюсь доложить, — просиял Пиштора, — что это наш участок. Служанка ваша говорила в булочной, что вас обокрали.

— Не стоило беспокоиться, — пробурчал полковник, — украдена всего лишь жестянка с макаронами. Оставьте это без последствий.

— Прошу извинения, — сказал Пиштора, — мне надо бы осмотреть эту кладовку.

Полковник хотел закричать на него, но потом смирился.

— Войдите, — сказал он неохотно и повёл человека к кладовке.

Пиштора оглядел кладовку.

— Ну, да, — сказал он удовлетворённо, — окно открыто долотом. Это был Попик или Андрлик.

— Кто, кто? — быстро спросил полковник.

— Попик или Андрлик. Их работа. Но Попик сейчас, кажется, сидит. Если бы было вынута стекло, это мог бы быть Дундр, Лойза, Новак, Гочичка или Климент. Но здесь, судя по всему, работал Андрлик.

— Смотрите, не ошибитесь, — пробурчал полковник.

— Вы думаете, что появился новый специалист по кладовкам? — спросил Пиштора, приняв серьёзный вид. — Едва ли. Собственно говоря, Мергль тоже работает долотом, но он никогда не занимается кладовыми. Никогда, сударь. Он обычно влезает в квартиру через окно уборной и берёт только бельё... Ну, так я забегу к Андрлику.

— Кланяйтесь ему от меня, — проворчал полковник.

«Как потрясающе тупы эти полицейские сыщики!» — думал он, оставшись наедине со своими мрачными мыслями. — Ну, хоть бы он поинтересовался оттисками пальцев или следами. Куда нашей полиции до международных шпионов! Хотел бы я знать, что сейчас делает Врзал...»

Полковник не удержался от соблазна позвонить Врзалу.

— Алло! — закричал он. — Говорит Гампл. Скажи, пожалуйста, как дела?.. Я знаю, что ты не имеешь права, но я только... Если бы ты был добр и сказал только: удалось ли?.. О, господи, всё ещё ничего? Я знаю, что трудное дело, но... Ещё минуточку, Врзал, прошу тебя. Мне пришлось в голову, что я бы охотно объявил награду в десять тысяч тому, кто найдёт вора. Из моих личных средств, понимаешь? Больше я дать не могу, но за такую услугу... Я знаю, что нельзя, но я в совершенно приватном порядке... Ну, ладно. Ну, спасибо, извини!

Эта картина, принадлежащая кисти художника Бор. Ефимова, посвящена сокровищнице русского искусства — Третьяковской галерее. Автор назвал её «Спокойствие». Для картин, как и для людей, кончились времена эвакуации. Наши старые знакомые покинули тесные хранилища и заняли свои прежние места в залах Третьяковки. Снова дома! Немудрено, что на радостях была устроена маленькая вечеринка товарищеская встреча с чашкой чая. Вечером, когда зрители разошлись, реперижные, серовские, суриковские и другие персонажи поспешно покинули свои привычные рамы и заняли места за праздничным столом.

Полковнику как-то полегчало после этой щедрости. Ему казалось, что теперь и он чем-то участвует в преследовании чортова шпиона, выкрывшего документ. Полковник лёг на диван и задремал. У дверей позвонили.

Полковник вскочил, стараясь сообразить, в чём дело. В дверях позвонили беличьи зубы сыщика Пиштора.

— Вот я опять здесь, — сказал он. — Разрешите доложить, это был...

— Кто? — не понимая, спросил полковник.

— Кто же, как не Андрлик? — удивился Пиштора и даже ухмыляться перестал. — Больше ведь некому. Попик-то сидит на Панкраце!

— А ну вас, с вашим Андрликом! — нетерпеливо сказал полковник.

Пиштора выпарил свои блёклые глаза:

— Но ведь он украл жестянку из вашей кладовой. Он уже сидит у нас в участке. Я, извините, пришёл только спросить... Андрлик говорил, что там не было макарон, а только бумаги. Врёт или как?

— Молодой человек! — вскричал полковник. — Где эти бумаги?

— У меня в кармане, — осклабился сыщик. — Куда я их сунул? —

Вы сами видите, что встреча проходила в обстановке непринуждённого веселья. Именно всего вечера один из васнецовских «Трёх богатырей» ухаживал за мадам Ман с портрета Серова. Остальные двое, обладая богатырским апетитом, привлекли внимание главным образом к закуске. Мать из репинской картины «Не ждали» соблазна, разливая чай. Иван Грозный, естественно, весь вечер не оставался в стороне. Из известных семейств на вечере присутствовали ещё Пётр и Алексей с картинами Ге. Серовская девушка, не надеясь на устроителей, пришла на вечер со своим знакомым. Суржиковская боярыня Морозова не по возрасту развеселилась и поднимала шум. Её даже не смущал голый старик с картины Иванова, который удобно

устроился на полу неподалёку от горбуна из репинского «Крестного хода». Музыкальную интеллигенцию представлял Мусоргский, такой, каким мы его привыкли видеть у Репина.

Насколько интересной и привлекательной была эта встреча, можно судить хотя бы по тому, что сама невеста с картины Федотова «Сватовство майора» оставила своего наречённого и прибежала сюда.

Веселье затянулось далеко за полночь, но к утру все персонажи были в своих рамах, на своих местах, где вы в любой момент с законным удовольствием можете их увидеть.

пришёл он, роясь в карманах люстринового пиджачка. — Ага, вот. Это ваши? Полковник вырвал у него из рук драгоценный документ и даже прошептался от радости.

— Дорогой мой! — бормотал он. — Я бы вам за это отдал... не знаю. Жена! — закричал он. — Поди сюда! Он нашёл украденный документ. Иди же, принеси рюмки и коньяк... Господин Пиштора, я... Вы даже представляете себе... Если бы вы знали... Выпейте, господин Пиштора! — Есть о чём говорить, — ухмылялся Пиштора. — Вот так коньячок! — Но, дорогой мой, как вам удалось так быстро найти документы? — Здоровье, господин Пиштора!

— Покорно благодарю, — учтиво отозвался сыщик. — Ах, господи, это ж — пустяковое дело. Если где очистят кладовую, — значит, ясно, что надо взяться за Андрилика или Попика. Но Попик сейчас отсуживает два счёда на Панкраце. А ежели, скажем, очистят чердак, то это специальность Писецкого, хромого Тондера, Канера, Зимма или Хоуски. А вот ежели бронзовых дверных ручек — это Чепек и Пинкус. По медным оводам теперь только один мастер — какой-то Тоушек. Сударь, всё из-

вестно наперёд. Премного благодарен, сударь, мне пора. Там в одной лавке обчистили витрину, надо заняться этим делом. Ясно, что это работа Клечки или Рудла.

— Послушайте, — сказал полковник. — я бы вам... за вашу услугу... Видите ли, этот документ... он для меня особенно дорог... Вот вам, пожалуйста, возьмите, — быстро закончил он и сунул Пишторе бумажку в пятьдесят крон.

Пиштора был приятно поражён и даже посерьёзней.

— Ах, право, не за что, — сказал он, быстро пряча кредитку, — такой пустяковый случай. Премного благодарен, сударь. Если я вам понадоблюсь!..

— Я дал ему пятьдесят крон, — благодушно объявил жене полковник Гампл. — Такому шмендрику хватило бы и двадцати, но... — полковник махнул рукой. — Будем великодушны. Так уж и быть, ведь документ-то нашёлся!

Карл ЧАПЕК.

Перевод с чешского Т. Аксель

Заметки и Эпиграммы

НА ПОЛЯХ СТЕНОГРАММЫ

ЯЗЫК МОЙ — ВРАГ
МОЙ

Выступая на X пленуме Союза советских писателей, проф. И. Н. Розанов говорил о порче языка и с грустью отметил, что даже некоторые русские писатели делают неправильные ударения в словах.

В словах как надо делать ударенье,
Писателям давно привыкнуть бы пора.
На пленуме поэт сказал:
«Знамяне».
А драматург промолвил:
«Авторя».
Какие нам найти «средствя»,
Чтоб верно говорить слова
И чтоб на нашем «пленумэ»
Не портить наше реноме?

СОВЕТЫ КРИТИКУ

Писатели упрекали критиков в том, что те не ставят больших и широких, принципиальных вопросов и, критикуя писателя, часто занимаются выискиванием отдельных неудачных строчек, своеобразной «ловлей блох».

У нас кричат, что критик плох,
Коль он занялся «ловлей блох»,
Но что же делать в самом деле,
Коль блохи критика заели?
Ах, критик! Будь достойным мэтром,
А против блох — купи пиретрум!

МОЛОДОМУ ПОЭТУ

Пускай ты молод, свеж
и одарён наредкость,
Пускай твои стихи зачитаны
до дыр —
Увы! Во всех статьях, докладах
и заметках
Ты скромно погребён под
рубрикой... «и др.».
Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

В КУНСТКАМЕРЕ
СОВЕТСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Н. С. Тихонов на пленуме правления Союза советских писателей незором обошёл свои владения. Он медленно шёл по кунсткамере, называя имена и устанавливая ранги. Он заметил слонов — их не так много — и не упустил букашек и таракашек. Он остановился (даже на минуту перед закрытой дверью кабинета чудес, в коем находится научно-художественная литература, но, к великой обиде тов. Ильина, магистра белой и чёрной магии, двери не открыл).

Советской сапире (Н. С. Тихонов не заметил) Слонов, конечно, в ней нет, но есть Крокодил.

Можно бы подумать, что советская литература не обладает чувством юмора. А между тем во время войны в ней звучал корошгий смех: злое осмеивание врага, вздорная, бодрая шутка среди своих.

Крокодил выражает свою признательность профессору Розанову. Самый серьёзный участник пленума оценил значение смеха в литературе.

* * *

Н. Погодин очень подробно разобрал слабые стороны четырёх чужих драматических произведений. Авторская скромность не позволила ему остановиться на «слабых сторонах» своих собственных четырёх драматических произведений.

Конечно, Погодин рассчитывал на то, что ему помогут другие. Было бы очень важно узнать, почему потерпел такую неудачу самый плодовитый советский драматург.

Но никто не выручил Погодина. Так он и не знает, почему ему самому не помогли те рецепты, которые он прописал другим.
Врачу, исцелися сам!

* * *

Многие говорили, что теперь придут новый Пушкин и новый Толстой. Только им по силам будет дать художественный образ нашего великого времени.

Но критик Перцов охладил надежды. Он сказал, что мы, современники, лучше понимаем смысл Великой отечественной войны. К примеру, Л. Н. Толстой оказался менее понятлив, чем Денис Давыдов, поэт-партизан, участник Отечественной войны 1812 года.

Мы всё-таки не теряем надежды на то, что некогда будет понят и наш современник Перцов. Мы его не понимаем.

* * *

Очень серьёзный Ардов говорил о серьёзном значении несерьёзной эстрадной литературы.

Пленум весело смеялся и серьёзно аплодировал.

А. НИЛЬСКИЙ

А. СУРКОВ

С докладом выступил Сурков. Доклад Суркова был таков:
Он, посмотрев на полный зал,
— У нас имеются, — сказал, —
Тихонов и Долматовский,
Антокольский и Твардовский,
С. Васильев, Матусовский,
Вера Инбер, Исаковский,
Михалков и Леонидзе,
Алигер, Зарьян, Табидзе...
(Не притронувшись к воде,
Не сказавши «и т. д.»,
Воздух в лёгкие набрал
И свободно продолжал):
— Чиковани и Саянов,
Кулешов, Сабид Муканов,
Пастернак и Бауков,
Жаров, Галкин, Рыленков

Колас, Глебка, Танк Максим,
Наровчатов, а засим...
(Замер зал — с надеждой ждёт,
Вдруг он к делу перейдёт,
Но его не удержать:
Надо ж список продолжать.)
— Первомайский, Машавили,
Лифшиц, Бровка, Мосавили...
В этом маленьком докладе
Все поэты хороши.
Имена, как на параде, —
Деды, девы, тётки, дяди —
Что угодно для души!
Говорить хотел Сурков
Относительно стихов,
Но, застряв в лесу имён,
Не добрался к теме он.

ВСЕВОЛОД
ВИШНЕВСКИЙ

Он речь произнёс, и она, как
всегда,
Была вроде шторма и шквала...
С опаской глядела в графине
вода,
Как в речи вода бушевала.

С. КИРСАНОВ

— Я бывал на Оudere,
Я писал до одури,
Но писанное издавна
До сих пор не издано.
И поэма издавна
До сих пор не издана.
Посмотрите на других:
У других помногу книг.
Напечатали тома,
У меня ж — ни тома.
Издаётся лишь Фома,
Забракован Сёма.
Это — издевательство:
Нужны ещё издательства:
Издательство, чтоб заново
Переиздать Кирсанова,
Другое — для издания
Кирсанова собрания,
Третье, чтоб мне изданное
Перетиснуть в «Избранное».
И ещё, на всякий случай,
Пять издательств я прошу,
Чтоб я мог устроить лучше
Всё, что наспех напишу!

Н. ПОГОДИН

Он прослушал гладковский
«Романс»,
Он ворвался в арбузовский
«Дом».
В том «Романсе» нашёл
диссонанс
И устроил в том «Доме»
разгром.
М. СЛОБОДСКОЙ

Хитрая механика

— Давай зайдём в этот магазин! — сказал мне художник Шурупов, с которым мы совершали нашу обычную воскресную прогулку по городу.

— Зачем, Шурупчик?

— Купим что-нибудь. Я люблю делать неожиданные покупки. Я романтик.

Я внимательно осмотрел витрину магазина, манившего к себе расточительного Шурупова, и сказал:

— Здесь ты, несомненно, найдёшь полный набор товаров для пожилых романтиков. Купи себе вот этого зайчика-кретинчика. Только не показывай эту игрушку детям—они будут плакать.

— Мне не нужен зайчик-кретинчик!

— Не нужен зайчик-кретинчик, тогда купи себе собачку-маньячку. Плош тот же, выражение морды то же. И даже цена одна.

— Мне нужна собачка-маньячка!

— Не нужна собачка-маньячка, купи батистовую бутоньерку. Потом поднесёшь эту прелестную безделушку любимой женщине.

— За такие подношения любимые женщины быют своих поклонников венчиками по физиономиям!

— Ты забраковал всю витрину, Шурупов,— строго сказал я,— так нельзя. Осталась только легкая слоняжка—мечта романтика. Бери её!

— Слушай!—сказал Шурупов.— Ты не задумывался над вопросом, на кого рассчитаны такие магазины? Кому они, собственно, нужны? Или, может быть, это орс какого-нибудь сумасшедшего дома?

— А давай действительно зайдём и узнаем!

И мы с Шуруповым зашли в магазин, торгующий зайчиками-кретинчиками и собачками-маньячками.

В магазине было пусто и тихо, как в музее.

Толстый продавец, похожий на учёного кота, дремал за прилавком. За кассой изнывала от тоски бледная кассирша.

Мы подошли к продавцу и вежливо сняли шляпы.

— Как идёт торговля? — спросил Шурупов медовым голосом.

— Торговля идёт хорошо! — встретившись, бодро ответил продавец.— По зайцам план выполнен на 92 процента, по собачкам—на 98, по слоняшкам...

— Довольно! — завопили мы с Шуруповым, потрясённые до глубины души.— Скажите: кто?

— Кто «кто»?

— Кто ваш покупатель?

— Берут люди! — неопределённо сказал продавец.

— Какие люди? Шизофреники или главным образом гипохондрики? Тихие или попадают и буйные?

Толстый продавец нахмурился:

— Кто вы такие, граждане? Контролёры, что ли?

— Мы романтики! — сказал Шурупов.

— А документы у вас есть, что вы романтики?

Мы предъявили продавцу наши документы. Он убедился, что мы не состоим в штате Наркомторга, и успокоился; тогда мы заявили, что не уйдём из магазина до тех пор, пока не увидим живого потребителя зайчиков-кретинчиков и не выясним досконально историю его душевной болезни.

Мы сели вдвоём на один стул, закурили и стали ждать.

Прошло 15 минут. В магазине попрежнему было пусто и тихо.

— Вы бы шли, товарищи романтики,— вяло сказал продавец,— может быть, сегодня никто и не придёт.

И в эту же секунду дверь открылась и в магазин вошла дама грендерского роста в коричневом берете, лихо сдвинутом на левое ухо!

Она кивнула кассирше, как старой знакомой, поздоровалась с продавцом и сказала низким, грудным голосом, почти басом:

— Сто зайчиков и сто бутоньерок! Только поскорей, Петя! Кидай прямо в авоську!

Толстый Петя быстро нагрузил авоську рослой незнакомки зайчиками-кретинчиками и батистовыми бутоньерками; покупательница уплатила кассирше за купленный товар и исчезла, как мимолётное видение.

— Ну, посмотрели на нашего покупателя, товарищи романтики?! — сказал продавец, подмигнув кассирше.

— Посмотрели. Но кто же она?

— Женщина.

— Это мы успели заметить. Давно с ней... это?

— Что «это»?

— Эта вот мания... болезненного расточительства?

— С тех пор, как на трудовой фронт стали брать! — усмехнувшись, сказала молчаливая до сих пор кассирша.

Мы с Шуруповым дружным дуэтом попробовали от кассирши объяснений.

— Очень всё просто, прагматично! — сказала кассирша.— Эта дама работает надомницей в артели, которая снабжает наш магазин своими поварями. Понимаете?

— Предположим, понимаем,— сказал Шурупов.

— У неё норма есть, у дамы. Сто, скажем, зайцев и сто бутоньерок в месяц. Понимаете?

— Не понимаем. Дама делает зайцев, и дама зайцев покупает? Это похоже на самоистязание!

— Дама зайцев не делает, делают другие. Дама только покупает зайцев.

— Но вы же только что сами сказали, что дама — надомница с нормой?!

— Вот дама у нас в магазине и выполняет свою норму: придёт, купит сколько ей надо зайцев и бутоньерок и несёт в артель сдавать как свою продукцию. Артель зайцев примет, зарегистрирует и...

— И отправит зайцев к вам в магазин обратно для продажи. Так?

— Так.

— А потом опять придёт дама, опять купит у вас партию зайцев и опять понесёт их в артель — сдавать, как свою продукцию? Так?

— Так! Теперь понимаете? — сказала кассирша.

— (Почти всё,— сказал Шурупов,— ещё один вопрос: какой смысл даме прятаться на зайцев? Другими словами, какую прибыль дама имеет от этой сложной коммерческой экскурсии по маршруту дом—магазин—артель?)

— Дама продаёт на рынке батист и плюш, который получает в артели на изготовление зайцев и бутоньерок. Сырьё, так сказать. Зайцев, скажем, дама купит на двести рублей, а сырья продаст на семьсот. Кроме того дама получает рабочую карточку. Теперь-то хоть вы всё понимаете?

— Теперь всё понимаем,— сказал Шурупов,— кроме одного: как дама ухитряется всё это проделывать среди бела дня на глазах у почтенной публики?

— Ну вот что, товарищи романтики,— вмешался толстый продавец,— хватит! Вам всё объяснили, удивляться будете на улице. Купите что-нибудь на память о нашем магазине и идите.

Я купил себе собачку-маньячку, а Шурупов—зайчика-кретинчика, мы попрощались с продавцом и кассиршей и вышли на улицу.

Прохожие смотрели на нас и почему-то смеялись. Наверное, выражение ошалелости и удивления на наших лицах делало нас похожими на зайчиков-кретинчиков.

Леонид ЛЕНЧ

РЕКЛАМА—ДВИГАТЕЛЬ ТОРГОВЛИ

Рис. Б. Фридкина

Замечено, что на полках магазинов месяцами лежат некоторые товары и никто их не берёт. Почему-то не расхватывают. Очевидно, всё

дело в отсутствии рекламы. Идя навстречу интересам производителей, мы сегодня восполняем этот пробел.

КАК ОТРАСТИТЬ СЕБЕ БОРОДУ?
Покупайте только бритвы «Мосштамп».

КУРЕНЬЕ — ЗЛО!
НИКОТИН — ЯД!

Приобретите наш дорогостоящийся портсигар — и вы в течение короткого времени забудете, как выглядит папироса.

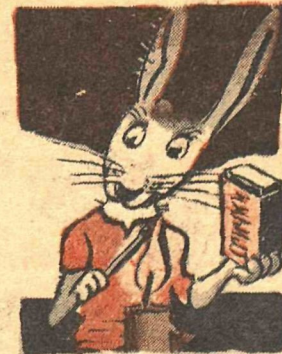
ЗУБНАЯ ЩЕТКА — НЕ РОКОШЬ, А ГИГИЕНА!

Купите изящную, портативную зубную щётку (ручка чистого соснового дерева, с самовыпадающей щетиной), и ваши сапоги всегда будут сверкать!

ПУГОВИЦА «ДРУГ ХОЛОСТЯКА»

Долой иголки! Прочь иголку! Куйбышевский райпромкомбинат, Горьковской области, помнит о холостом потребителе. Выпущенные райпромкомбинатом изящные пуговицы без единого отверстия легко прикрепляются к одежде при помощи клея, вара, обойных гвоздей и автогенной сварки.

ЧЕХОВ ОШИБСЯ

«Заяц, ежели его бить, спилицы может зажигать» — так сказал про меня великий русский писатель. Это неправда. Сколько бы меня ни били, я никогда не зажгу ни одной спилицы фабрики «Байкал».

В драматическом театре города Пржевальска шла генеральная репетиция комедии Лопе де Вега «Собака на сене». В полусвещённом партере сидели директор театра Любанский, его заместитель Кремер, художественный руководитель Юдин, артист Нилов и другие.

Вполголоса они обсуждали игру артистов. — Неплохо получается, — сказал Любанский, — но... не чувствуется сено. А раз нет сена, то идея пьесы не раскрыта полностью.

— Совершенно верно, — поддакнул Кремер, — собака чувствует, а сено — нет. Я берусь быстро поправить дело.

— Действуйте! — напутствовал его Любанский.

Кремер исчез. Настроение присутствующих резко повысилось. Они твёрдо верили в художественный вкус своего директора. Именно по его инициативе стильные и нестильные костюмы, сапоги, полушубки, шапки и другие разно-

образные предметы ширпотреба, с большим знанием эпохи отобранные недавно в театральном гардеробе, перекочевали в шкафы и сундуки руководящих членов труппы, а оттуда — на рынки. Можно было не сомневаться, что и к предстоящей премьере богатая фантазия руководителя театра подсажает какой-нибудь замечательный трючок.

А в это время Кремер сидел в кабинете уполнаркомзага по Иссык-Кульской области.

— Собираемся вам показать комедию из деревенской жизни, — начал разговор гость. — Обхохочетесь.

— Да ну? — заинтересовался хозяин.

— Факт. Из испанской жизни. Любовь. Интрижка. Красота, кто понимает. Премьера завтра. Но мы столкнулись с трудностями военного времени.

На лице уполномоченного ясно выразилась тревога.

— Пьеска, — продолжал Кремер, — называется «Собака на сене», а главного-то и не хватает.

— Голубчик, я ведь собак не заготавливаю...

— И не надо, не надо, — улыбаясь, сказал гость. — Собаку мы достали, а вот сено...

Хозяин просиял:

— Только и всего?! Голубчик, бога ради! Сколько вам?

Кремер назвал две тонны. Сошлись на одной. Беседа, проходившая в атмосфере взаимного понимания, завершилась вручением уполномоченному контрамарки на две персоны.

Сено пошло туда же, куда и театральные костюмы. Но это — дело прошлого. Не будем его больше касаться. Есть дела поважнее.

Пржевальский театр собирается, говорят, показать местным зрителям другую пьесу того же Лопе де Вега — «Овечий источник». Как показывает самое название, этот источник сулит ещё более радужные перспективы. «Собака на сене» насытила только Любанского и его достойного заместителя. А табун овец, который, несомненно, выделит уполнаркомзат для новой постановки, даст возможность удовлетворить нужды всей драматической труппы. То-то будут смеяться на сцене!

Евг. ЯЧНИК

Город Фрунзе

НА ФОНЕ СТРАХА И УЖАСА

Театр юного зрителя в городе Николаеве показал сказку Е. Шварца «Снежная королева». По словам рецензента местной газеты «Бугская заря», премьера «Снежная королева» принята зрителем тепло.

Газета ни словом не обмолвилась о том, как принял зритель рецензию на этот спектакль. Судя по многочисленным читательским отзывам, рецензия была принята столь бурно, что, право, не знаешь, что произвело большее впечатление — спектакль или рецензия на спектакль, где отрицательные герои «создали фон страха и ужаса».

Говоря об исполнении артисткой Бутусовой роли королевы, рецензент Л. П-ко отмечает, что

«под властью ледяного сердца она вызывает к себе холодное чувство у зрителя».

Находясь под властью своего темпераментного пера, рецензент Л. П-ко договаривается до того, что

«непринуждённый смех артистки Квасенко, исполнявшей роль Атамани, свободное поведение на сцене создали тип разбойника».

Для каждого актёра рецензент находит свои особые слова. Артистке Патенко роль Герды удалась потому, что она «естественно воспроизводила искусство на сцене». Артистка Райкопуло сумела «запечатлеть себя в первом акте». Артист Сахнит не справился с ролью короля:

«Скорее это придворный шут, который воспользовался отсутствием короля, одел его корону, а она не держится на его голове. Чувствуется, что Сахнит умеет играть, но не в этом амплуа».

Как это тонко схвачено! Так и заметно, что Л. П-ко воспользовался отсутствием редактора А. Каширина и поместил рецензию. Может быть, Л. П-ко и умеет писать, но, во всяком случае, — не в этом амплуа.

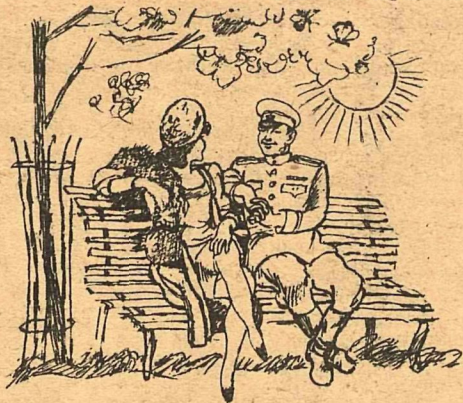
Рис. И. Семёнова

Начальство на рыбной ловле.

КИНОЗВЕЗДЫ

Рис. М. Черемных

— За последний год я снималась в трёх фильмах.
— А я только в одном.
— И вы?.. В каком же?
— «Взятие Берлина».

Дорогой Крокодил!

Недавно в нашем городе неизвестные злоумышленники совершили страшное злодеяние: при загадочных обстоятельствах из обширных владений городской электросети исчезли два бревна.

На место происшествия прибыл начальник коммунального хозяйства тов. Ефремов. Как обнаружить преступников? Ефремов не пошёл по проторённым путям Шерлока Холмса: он просто выключил электросвет во всём районе до тех пор, пока не обнаружатся украденные бревна...

Страшное беспокойство за судьбы родного города охватило нас. А вдруг из бани исчезнет берёзовый веник, — тогда прощай купанье! А вдруг из амбулатории унесёт уборщица половую тряпку, — тогда двери лечебницы захлопнутся перед больными!

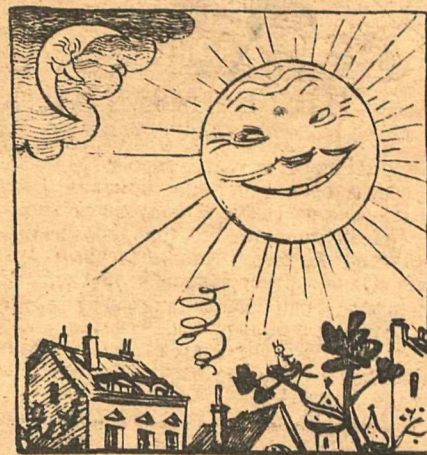
А вдруг кто-нибудь похитит у Ефремова способность здраво мыслить! Впрочем, кажется, сие уже свершилось.

КОЗЛОВА, КРУТЯКОВА,
ПУХОВА, НАЙДЕН и др.

г. Кохма,
Ивановской области.

К ПРЕДСТОЯЩЕМУ СОЛНЕЧНОМУ ЗАТМЕНИЮ

Рис. Ю. Ганфа

— Может быть, по случаю отмены затемнения и затмение отменят?!

КРОСС «ЭСКИМО»

Рис. И. Семёнова

Зимой...

...и летом.

БЕЗ НАМЕКОВ...

СМОЛЕНСКАЯ БРЮКВА

Многие способны открыть человек, мыслящий творчески.

Известный герой Марка Твена, редактировавший сельскохозяйственную газету, например, установил что брюква растёт на дереве, а гуси мечут икру.

Редактор смоленской газеты «Рабочий путь» пошёл дальше. Он открыл, что в Кадищенском сельсовете

«славно поработали агитаторы по обучению крупного рогатого скота».

Величие смоленского открытия омрачается одной мелочью: редактор увлёкся обучением рогатого скота и позабыл о том, что сотрудникам его коллектива не мешало бы обучиться элементарной грамотности.

НОВОСТИ ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ

Страхование жизни имеет много положительных сторон. Недаром Госстрах так широко его рекламирует. Действительно, после смерти застрахованного родственникам выплачивается страховая премия. Причём для удобства эта премия вручается оставшимся родным лично покойником.

Согласно инструкции Госстраха, это делается так:

«...страховое возмещение... по индивидуальному страхованию жизни выплачивается инспекциями Госстраха именным чеком на Госбанк под расписку, если страхователь сам явился в инспекцию Госстраха, или почтовыми переводами на имя страхователя за его счёт».

Всё ясно, кроме одного: имеется ли в Госстрахе ночная смена работников. Ибо, как известно, привидения общаются с людьми лишь только ночью.

Ну и страхи в Госстрахе!

КРОКОДИЛ ПОМОГ

Заведующий отделом по государственному обеспечению семей военнослужащих при Икон-Халковском райисполкоме Симхов присвоил макуфактуру, предназначенную для семей фронтовиков. Об этом в «Крокодиле» было напечатано письмо.

По материалам «Крокодила» Симхов снят с работы и привлекается к уголовной ответственности.

Дорогой
Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕВ)

Дорогой Крокодил!

Правильно поступает Новосибирская контора Главрасжирпрома, ставя на своей продукции штамп: «Туалетное мыло». Потому что без этого совершенно необходимого пояснения вряд ли кто заподозрит в невзрачном куске неопределённого цвета и отвратительного запаха хотя бы малейший намёк на мыло, да ещё туалетное.

Но ещё правильнее поступила бы та же Новосибирская контора Главрасжирпрома, если бы выпускала продукцию, не требующую специального пояснения. Честное слово, нас вполне устроит отсутствие надписи «Туалетное мыло» на хорошем туалетном мыле!

А. БАРАНОВ,
майор
Е. ПРИМЕРОВ,
майор

Полевая почта 15205.

Уважаемый Крокодил!

В сущности, виновата я сама. Нужно было учесть особенности перевозки багажа по железной дороге и быть не такой легкомысленной.

А то понадеялась я на работников транспорта, а сама умыла руки. Мол, ничего, доедет. А он не доехал. Вот и пришлось беспокоить НКПС. Там отнесли к моей жалобе, как полагается: разыскали пропавшие вещи. А разыскав, тут же любезно написали мне: два места весом 44 килограмма обнаружены в Бугуруслане и отправлены в полном порядке по назначению.

Однако прошло с тех пор более полугода, а несознательные вещи где-то путешествуют и упорно не желают вернуться домой.

Так что если ты случайно натолкнёшься на пропавший багаж (квитанция № 646182), немедленно гони их ко мне и предупреди их, что стыдно так себя вести и портить мои отношения с НКПС.

А. ЧАВГУН

г. Трубчевск,
Брянской области.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, А. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, И. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (ств. редактор). Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 часов. Подписная цена на журнал — 3 р. 20 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда».

Москва. Изд. № 405. Подп. к печати 1/VI 1945 г. Отатформат 72x105 см. Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А5669 Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1154. Тираж 100.000 экз.

46

2112

Рис. Ю. Гаффа

РЕДАКТ. ЭКЗЕМПЛЯРЫ
1945

— Мы обвиняем!..

25/42

№			
В			
С	14/12/45		
В			

10/11/45